

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“НUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 949917

Correo
Argentino
Suc. 30 (B)

FRANQUEO PAGADO

Concesión No. 4233
Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

Editor-Director
TATIANA X. DE DUBROWSKY

Casiña de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

AÑO XXII

Buenos Aires, 2 de marzo de 1971

Буэнос Айрес, вторник 2 марта 1971 года № 1097

НИКОЛАЙ БЫЛОВ

ЦАРЬ И ЦЕРКОВЬ

Вспомним один эпизод из жизни св. Иоанна Кронштадтского. Чудотворец служил обедню в Андреевском соборе. Выходит из царских врат с Чашей для причастия и видит, что какой-то студент закуривает папиросу от лампы. Св. Иоанн обращается к нему своим обычным, отеческим тоном: «Что ты делаешь?» Но «представитель науки и прогресса» вместо ответа подходит к Батюшке и ударяет его по щеке с такой силой, что удержать Чашу было невозможно. Причастие расплескалось. Св. Иоанн перекрестился и подставил другую щеку. — «Ударь еще раз». Но тут молящийся народ, выйдя из оцепенения, вызванного этим чудовищным поступком, схватил студента.

Мы не знаем дальнейшей судьбы этого студента, не знаем его имени. Но продолжить мысленно его биографию нетрудно. После своего «подвига» он был восторженно встречен подпольем. Какие-то шивые курсистки с визгом бросились ему на шею. Какие-то «товарищи» произносили хвалебные речи и корчили, в то же время, от зависти: «Вот бы и нам что-нибудь такое выкинуть и одним махом прославиться», — стать героями «освободительного движения».

Несомненно перед этим ученым мужем открылись самые блестящие перспективы в эпоху февраля-октября. С одинаковым вероятием его можно видеть и в стане Керенского, и у Ленина, и у Милюкова... В главном определителе революции, то есть в истинной ненависти к Богу и Его Помазаннику, все они составляли дружный хор.

Эту воображаемую и в то же время вполне реалистическую биографию данного студента интересно проанализировать и с других сторон. Верующий народ схватил студента. Что мы можем возразить, если бы этот верующий народ выволок «представителя науки» на площадь перед собором и там растер-

зал бы его?.. Морально, народ раздавивший гадину из преисподней, был бы совершенно прав. Но прежняя Россия не терпела самосудов. Конец этого происшествия рисуется иначе. Вмешались полицейские, отбили студента от толпы и препроводили в распоряжение судебных инстанций. На этом суде какой-нибудь блестящий адвокат, вроде Макалова, не только добился бы полного освобождения студента, но громовым голосом и с патетическими жестами посрамил бы на весь мир «проклятое самодержавие» и «дикие, религиозные предрассудки», как величала прогрессивная интеллигенция Русскую Православную Веру.

Наша фантазия, повторяем, не выходит из рамок возможного. Ведь было же так с Верой Засулич, которая стреляла в петербургского градоначальника Трепова и была полностью оправдана судом присяжных. И сколько таких процессов было!.. Жандармский генерал Спиридович, которого я хорошо знал по Парижу, рассказывал очень типично: «Мы ловили этих господ из подполья, препровождали для суда, а этот последний только создавал им ореол героев и мучеников. Их либо отпускали на свободу, либо приговаривали к такой ерунде, что они вскорости начинали вновь стряпать свои завирухи».

Наших русских Государей нельзя обвинить в попустительстве, в непротивлении злу. Они боролись за Святую Русь и, один за другим, погибали в этой борьбе. Но Государь не мог помыслить, что бесовская стихия совет гнезда в тех классах, которые, по всем законам природы должны были быть опорой государства. К величайшему сожалению, мы должны признать, что дорогу для всероссийской и всемирной завирухи открыли князья великие и малые, открыли генерал-адъютанты и высшая родовая и служилая знать. Эта бесовщина правых кругов русского общества выражалась не в увлечении какими-то социалистическими ахинейми, а в потере верности Государю. Сплетничали и интриговали против Помазанника Божия и Его Семьи с полным удовольствием, не предполагая, конечно, что жатву от этого соберут только бесы левые и что рухнувший трон раздавит без остатка их самих, — бесенят правых.

Что касается судебных инстанций, на которые жаловался ген. Спиридович, то тут та же картина. Государь создавали гуманный порядок во имя всеобщего блага и никак не могли думать, что прекрасные, мягкие законы будут использованы для разрушения государства.

Причины нашей катастрофы 1917 года коренятся в ослаблении и искажении русских национальных традиций. Мы ратуем за их восстановление. Но выражение «традиции» я бы заменил более широким понятием — «национальное сознание», в которое традиции включаются, но не составляют единственной сущности. Не все то хорошо, что старо. Мы смотрим вперед, а не назад, и слово «традиция» может вызвать недоразумения. Например, в число непреходящих традиций России входили наследственные привилегии аристократического слоя. Вернуться к этой традиции было бы преступлением.

В эмиграции национальное сознание сохраняется, но поправок к этому утверждению надо сделать не мало. Левый стан стремится, конечно, не к истори-

Русская интеллигенция, оторванная от народа в течение лет двухсот пыталась перестроить Россию на свой образец — на полтораста своих образцов. С этой целью она рисовала нам: отворотную рожу царской России и светлый лик великой и бескровной. Светлый лик великой и бескровной мы сейчас можем наблюдать невооруженным глазом. И можем с абсолютной степенью бесспорности установить, что все прогнозы русской интеллигенции были сплошным вздором. Совершенно таким же вздором были все диагнозы, — то есть русская книжная, революционная и прочая интеллигенция вралась совершенно одинаково: и о нашем будущем, но также и о нашем прошлом.

Иван СОЛОНЕВИЧ

ДЕЛА СОВЕТСКИЕ

ВТОРЖЕНИЕ В ЛАОС

В сотый раз советское правительство категорически осуждает американскую политику в Индокитае. В опубликованном в середине февраля заявлении ТАСС говорится, что американское правительство, «решившись на дальнейшее расширение агрессии в Индокитае, взяло на себя тяжелую ответственность перед американским и мировым общественным мнением за последствия этой агрессии».

Как известно, американские наземные войска и военные советники не принимают участия в операциях южновьетнамских войск в Лаосе. Решение о вторжении в Лаос было принято южновьетнамским правительством с целью пресечь переброску северовьетнамских коммунистических сил, боеприпасов и продовольствия через территорию Лаоса в Камбоджу и Южный Вьетнам. Советское правительство, становясь в позу поборника справедливости, умалчивает, что опасный прецедент в Лаосе создали именно северовьетнамские войска, которые на протяжении лет постоянно нарушали территориальную целостность и нейтралитет этой страны.

СОВЕТСКАЯ ПОМОЩЬ ХАНОЮ

Советский Союз будет оказывать Северному Вьетнаму дополнительную техническую помощь. Соответствующее соглашение было подписано в Москве заместителем председателя Совета министров СССР Новиковым и заместителем премьер-министра Северного Вьетнама Ле Тхань Нги.

Одновременно, со ссылкой на дипломатические источники, сообщается, что Советский Союз в последнее время значительно расширяет объем военной помощи Северному Вьетнаму. Происходит это, повидимому, в связи с эскалацией военных действий в Индокитае.

В сообщении агентства Юнайтед Пресс Интернейшнл говорится, что поставки советского оружия и военной техники осуществляются главным образом морским путем. Лишь ограниченное количество советских военных грузов происходит через территорию Китая, несмотря на то, что Китай, судя по всему, облегчил процедуру, связанную с транзитом советских грузов в Северный Вьетнам.

ГЕРМАНО-СОВЕТСКИЙ ДОГОВОР

«Правительство СССР предпримет все необходимые шаги для успешного претворения в жизнь советско-западногерманского договора». Такое заявление содержится в личном послании главы советского правительства Косыгина на имя канцлера Федеративной Республики Германии Брандта. В послании подчеркивается, что советско-западногерманский и польско-западногерманский договоры станут важными вехами в послевоенной истории Европы.

Личное послание Косыгина Брандту это, по видимому, ответ на противоречивые сообщения, которые появились в последние дни в американской и западногерманской печати. В этих сообщениях, приписываемых советским дипломатам, указывалось, что советское руководство якобы утратило интерес в восточноевропейской политике канцлера Брандта. Согласно тем же сообщениям, советское правительство будто бы не удовлетворено позицией Брандта в берлинском вопросе и в вопросе о ратификации Бундестагом советско-западногерманского договора.

МАШИНА ИЛИ ЧЕЛОВЕК?

Подгорный поздравил президента Никсона с успешным завершением полета космического корабля «Аполлон-ХІV» и благополучным возвращением на Землю космонавтов Шепарда, Митчела и Рузы.

Сообщения о полете американского космического корабля периодически печатались на страницах советских газет и передавались по центральному радиовещанию. Однако главное внимание в эти дни советская пропаганда уделяла деятельности автоматического аппарата «Луноход-один», который как раз завершает свою программу работ на Луне. Делалось это с целью отвлечь общественное мнение от грандиозного американского эксперимента, который по праву вписал новую важную страницу в историю освоения Луны человеком.

Интересно, что в комментарии о деятельности «Лунохода-один», газета «Известия» утверждала, что автоматический аппарат может проводить исследовательскую работу более успешно, чем человек. Мнение газеты «Известия» встретило оппонента в лице американского ученого Джорджа Лоу, который в на-

ческой России, а к продолжению своей революционной традиции. И здесь есть в высшей степени любопытные моменты, на которые надо обратить внимание. От того студента, нахулиганившего в храме, приблизительно все эмигрантские леваки стараются откреститься. От воинствующего безбожия они воздерживаются. Они даже и от кабинетного «ученого» атеизма воздерживаются.

Дело в том, что атеизм, на котором была построена вся революционная традиция, в нашу эпоху и при свете научных данных, защищать совершенно невозможно. Атеизм может быть достоянием либо круглых невежд, либо политических мошенников. (Обращаю внимание читателей на интереснейшую книгу Леконт де Нуайи: «Человек и его судьба». Ее можно достать на любом языке, кроме русского).

Наиболее образованные и умные леваки отлично поняли, что революционную традицию надо перестроить. Срочно требовалось философское обновление. Оно и было создано в смысле приспособления православия к своим извеч-

ным, левым целям. В Париже, в первый период эмиграции, мы застаем так называемых «религиозных философов» из числа всевозможных леваков, которые устремились к православию. В числе лиц, производивших эту диверсию, были такие имена как С. Булгаков, Бердяев, Федотов, отчасти сюда же относятся Мережковский, Зинаида Гиппиус и П. Струве. Проф. Федотов договорился даже до сочетания «марксизма с православием». Но, вообще говоря, открытые ересей они избегали. Была робкая попытка создать учение о Св. Софии, премудрости Божией, каковая премудрость выдвигалась в качестве четвертой Ипостаси и как две капли воды походила на мasonicкого «архитектора Вселенной», но когда высшие иерархи православной Церкви одернули их, то все эти изыскания были постепенно взяты обратно.

Я не хочу сказать, что присоединение к православию было у них рассчитанной фальшью. Вполне допускаю, что они полностью поняли абсурд атеизма и обрели веру. А христианская вера принимает на равном основании тех, кто пришел к ней в «третий час» или «де-

стоящее время исполняет обязанности директора Национального Управления по авионавигации и Исследованиям Космического Пространства. Комментируя успех экипажа «Аполлон-ХІV», Лоу заявил, что полет Шепарда, Митчела и Рузы продемонстрировал необходимость дальнейших исследований космоса человеком. По словам Лоу, ни одна машина и ни один робот не могут заменить человека при выполнении исследований на Луне.

ВЫСЫЛКА КОРРЕСПОНДЕНТА

Корреспондент ряда скандинавских газет в Москве Эгиль Хегге, первый человек, сообщивший Солженицыну новость о присуждении ему Нобелевской премии, был вынужден в дни покинуть Советский Союз. По утверждению министра иностранных дел СССР, деятельность Хегге была «несовместима со статусом иностранного корреспондента». МИД СССР обвинило скандинавского корреспондента в спекуляции, незаконных валютных сделках и в клевете на советскую действительность. За несколько дней до своей высылки Эгиль Хегге информировал западную общественность о случаях преследования иностранных журналистов в Москве.

Высылка Хегге из Советского Союза вызвала многочисленные протесты официальных лиц и международных организаций. В частности, Международная Федерация Журналистов считает, что действия Министерства Иностранных Дел СССР противоречат статье 19-й Всеобщей Декларации Прав человека, которая провозглашает право на свободную информацию. Представитель норвежского министерства иностранных дел со своей стороны заявил, что высылка Хегге «создает дополнительные трудности для советско-норвежского взаимопонимания и сотрудничества в различных областях».

В многочисленных комментариях, появившихся в связи с делом Хегге, газеты напоминают, что высылка скандинавского корреспондента мотивировалась тем, что он стремился «опорочить» советскую действительность. Даже если бы это и впрямь входило в намерения Хегге, пишут газеты, ему было бы не под силу конкурировать с соответствующими советскими инстанциями, которые по части дискредитации советской действительности поистине не знают себе равных.

ПРИГОВОР ПОДТВЕРЖДЕН

Во вторник, 9-го февраля, Верховный Суд РСФСР рассмотрел кассационную жалобу литератора Андрея Амальрика и подтвердил приговор вынесенный ему в ноябре прошлого года. Тогда суд в Свердловске приговорил Амальрика к трем годам исправительно-трудовых лагерей по обвинению в распространении клеветы на советский государственный строй.

Поводом для ареста и осуждения Амальрика послужили, по видимому, его книги: «Нежеланное путешествие в Сибирь» и брошюра «Просуществоет ли Советский Союз до 1984 года?». В этих книгах молодой литератор высказал свое личное мнение о сегодняшней советской действительности и попытался сделать краткий анализ советского государственного и политического строя.

Арест Амальрика вызвал в свое время

взвешивать». Иисус Христос открыл двери царства Своего даже разбойнику, распятому с Ним на кресте, хотя все «часы» давно миновали.

Но становясь православными и попадая одним махом в ранг «религиозных философов», что означает мыслителей-учителей, постигших глубины христианства, наши недавние богоборцы всю свою энергию сосредоточили на одном пункте: разорвать связь русской Церкви с русскими царями. Синод трактовался, как источник всех бед для православия и на будущее предлагалось Церкви жить «независимо».

Этот пункт не является канонической ересью, — под удар, в этом смысле, они себя не ставили. Но если согласиться с этими построениями, то от русского сознания остается один дым. Вступают в свои права так называемые «двойные истины», то есть: Церковь — сама по себе, государство — само по себе. Оба начала вежливо сосуществуют, хотя государство отвергает истину Церкви и живет своими истинами, с которыми, в свою очередь, не соглашается Церковь. Человек оказывается разрезанным на

ПРОИЗВЕДЕНИЯ СОЛЖЕНИЦЫНА НА ЭКРАНЕ

Роман А. Солженицына «В круге первом» будет зафильмован будущей весной в Англии. Права на фильм были приобретены фирмой «Роберт Соло Продакшн» в Лондоне за день до получения Солженицыным Нобелевской премии. Продюсер заплатил издателю книги в Нью Йорке свыше 100.000 долларов авторских прав, которые легально принадлежат Солженицыну. Вообще, если советское правительство выпустит Солженицына за границу, его ждет в разных странах крупное состояние: издатели внесли авторский гонорар Солженицына на специальные счета. Но деньги эти — сотни тысяч долларов — Солженицын может получить только лично. Съёмки фильма «Один день Ивана Денисовича» Солженицына, которые производились совместно английской и норвежской фирмой, за Полярным кругом — закончены. Фильм выйдет на экран этой зимой.

многочисленные протесты в Советском Союзе и за рубежом. Испугавшись общественного мнения, власти несколько раз откладывали суд над литератором, а потом провели его при закрытых дверях, причем не в Москве, где жил Амальрик, а в Свердловске.

До настоящего времени Амальрик находился в свердловской тюрьме. Теперь в связи с подтверждением Верховным Судом РСФСР приговора, он будет переведен в один из исправительно-трудовых лагерей строгого режима. Как сообщают друзья литератора, министерство юстиции СССР предупредило защитника Амальрика Владимира Швейского, что он, возможно, будет исключен из московской коллегии защитников, и лишен права выполнения функций адвоката. Подобные предупреждения в последнее время получали многие адвокаты, которые брали на себя защиту подсудимых, проходивших по политическим делам. Путем нажима и угроз советские власти стремятся лишить инакомыслящих последнего права на защиту.

В ЗАЩИТУ АМАЛЬРИКА

Мы уже писали, что осуждение Андрея Амальрика вызвало в Советском Союзе многочисленные протесты. С одним из таких протестов выступил в конце прошлого года физик Чалидзе. В своем «Обращении к интеллигенции» Чалидзе писал:

«...Тысячи газет и пропагандистов неустанно твердят: «Советский Союз вечен и нерушим». И вдруг вдумчивый человек негромко спрашивает: «Просуществоет ли Советский Союз до 1984 года?». Вопрос, конечно, невежливый, но если при этом обсуждается, почему может и не просуществовать, то следует считать эту невежливость дружеской услугой и обдумать с пользой для себя приведенные доводы. Проще всего разозлиться — это зависит от культуры слушателя. Полагаю, продолжал Чалидзе, что воспитание культуры людей — задача именно интеллигенции. В частности, это означает учить людей (и правителей) не бояться слова, а если уж со словом приходится бороться, то пусть словом же, а не сроком...»

Свое обращение к интеллигенции Валерий Чалидзе заканчивал такими словами: «Я призываю заступиться за (Андрея Амальрика), кто как может, кто как отважится. Пусть гласно, пусть хотя бы в душе своей. Заступиться независимо от согласия с его взглядами. Заступиться за слово...»

СОВЕТО-ЕВРЕЙСКИЙ ОФИЦЕР

В Израиль прибыл бывший офицер советских военно-воздушных сил Гирш Фейгин. Выступая на пресс-конферен-

ции, Фейгин рассказал о своих тяжелых испытаниях в Советском Союзе и о борьбе, которую многие советские евреи ведут за право эмигрировать в Израиль.

В декабре прошлого года Фейгин был насильственно помещен в психиатрическую лечебницу. Ранее он направил заявление в Президиум Верховного Совета СССР об отказе от всех полученных им в годы Второй мировой войны орденов и медалей, и отказался от советского гражданства в знак протеста против «дискриминации евреев» в Советском Союзе. В начале января Гирш Фейгин был выпущен из лечебницы, так как врачи отказались признать его душевнобольным. Вскоре после этого советские власти выдали ему разрешение на эмиграцию в Израиль.

ПЯТИЛЕТИЕ

Две недели назад исполнилось 5 лет со времени, когда был вынесен приговор по делу подсоветских литераторов Андрея Синявского и Юлия Даниэля. Судебный процесс над писателями вызвал широкую волну протестов как в нашей стране, так и во всем мире. Впервые открыто, на политическом процессе судили литераторов за их художественные произведения, за их творчество, за их убеждения... И впервые подсудимые не признали своей вины и мужественно защищали свое право на мысль и слово.

Теперь, когда заходит речь об этом процессе с представителями режима, они, надеясь на короткую память людей, пытаются извратить суть процесса. Они хотя и представляют Синявского и Даниэля контрабандистами, людьми, которые хотели нажиться, отправляя свои произведения за границу. Писателей, заявляют сурковы, судили не за убеждения, а за нарушения уголовного закона о контрабанде. Эти попытки извратить прошлое безнадежны. Общественность нашей страны имеет один документ, который ясно и определенно говорит правду об этом деле и об самом процессе. Мы имеем ввиду «Белую книгу» по делу Синявского и Даниэля, составленную Александром Гинзбургом.

«БЕЛАЯ КНИГА»

В «Белой книге» дается подробное описание судебного процесса. Опубликована стенограмма судебных заседаний день за днем. Каждый вопрос судьи или прокурора. Все ответы свидетелей, защиты и подсудимых. В Белой книге опубликованы последние слова писателей и отклики на процесс советской и мировой печати.

Белая книга неопровержимое, доку-

ментальное свидетельство незаконности суда над Синявским и Даниэлем, свидетельство обвинительного характера этого процесса, поскольку суд отклонил многие ходатайства защиты, ограничивал права обвиняемых, предусмотренные законом и вынес неправомерный приговор.

УРОН СОВЕТСКОМУ ПРЕСТИЖУ

Процесс над литераторами вызвал бурю негодования общественности всех стран. Престижу советских руководителей был нанесен чувствительный удар. Миф о гуманном советском правосудии был взорван этим процессом. А в подсоветской общественности началось широкое движение за гражданские права.

Совершенно права была писательница Лидия Чуковская, когда она в открытом письме Шолохову назвала суд над Синявским и Даниэлем противозаконным. Она права, когда писала, что литература, любое художественное произведение, слабое или сильное, талантливое или бездарное, лживое или правдивое, никакому суду, кроме общественного, литературного не подлежит. Писателя, как и всякого гражданина можно судить уголовным судом за любой проступок — только не за его книги. Литература уголовному суду не подсудна. Идеям следует противопоставлять идеи, а не лагеря и тюрьмы.

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Десятки ученых, писателей протестовали против суда над Синявским и Даниэлем. Этот протест не пропал даром. Он дал свои положительные результаты. Начала пробуждаться независимая мысль в нашей стране. А мысль вызвала действие. Россия заспорила, заговорила. Начал развиваться Самиздат. И с тех пор ни один случай произвола органов суда, прокуратуры или КГБ, если он стал известен общественности, не остается без отклика. Когда позднее состоялся судебные процессы по делам Галанскова, Гинзбурга, Буковского, Кушева и других, по делу Литвинова, Ларисы Даниэль, Вадима Делонэ, Владимира Дремлюги и Константина Бабицкого — эти процессы вызвали еще более массовый и более решительный протест подсоветской оппозиционной общественности, чем даже процесс Синявского и Даниэля.

И сегодня, когда мы оглядываемся назад на эти прожитые пять лет, мы, по совести, можем сказать, что годы эти не были сплошным поражением. За эти годы развилось оппозиционное движение. Образовался ряд групп и организаций, имеющих свои политические программы. Регулярно издается журнал «Хроника текущих событий» и тетради под названием «Общественные проблемы». Разрабатываются проблемы стратегии и тактики борьбы оппозиционного движения за права и свободы. Создана такая открытая, независимая организация, как Комитет прав человека, во главе которого стоят видные подсоветские ученые и в частности академик Сахаров. Идут поиски гарантий против беззакония властей, гарантии прав.

Этому положительному процессу сильный толчок дал судебный процесс Синявского и Даниэля, пятилетие которого недавно исполнилось.

О. Н.

Торжественное освящение нового помещения Русской Св.-Сергиевской Церковно-Приходской Школы (Falucho 854, Villa Bollester) состоится в воскресенье 21-го марта 1971 г. в 12.30 часов по окончании Божественной литургии.

После освящения всем присутствующим будет предложено угощение.

Начало занятий Церковно-Приходской Школы состоится в субботу 27-го марта 1971 года в 14.15 часов.

АНАТОЛИЙ СТЕПАНОВИЧ ГОРЕЛОВ

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ АУКЦИОНИСТ В АРГЕНТИНЕ

- Бесплатные оценки недвижимого имущества
- Продажа и покупка домов, квартир, имений и участков в городе или провинции
- Сдача и администрация квартир и домов.

Прошу писать на Casilla Correo 25, Villa Ballester или звонить лично по телефону 758-0664.

НИКОЛАЙ БЫЛОВ

БИБЛИОГРАФИЯ

Граф В. П. Зубов. «Страдные годы России. Воспоминания о революции (1917-1925)». Издательство «Финк», Мюнхен, 1968 г., 158 стр.

Большой исторический интерес представляют для нас, монархистов, воспоминания о революции, изданные графом В. П. Зубовым под заглавием «Страдные годы России».

Высокообразованный автор, знаток искусства, с 1910 года руководил им основанным Институтом Искусств при Эрмитаже. В мае 1917 года Временное Правительство направило его с директором музея бароном Штигицем, б. товарищем министра иностранных дел при Штюрмере А. А. Половцевым и редактором журнала «Старые годы» Петром Вейнером (отбыл концлагерь по делу лицезистов и по возвращении расстрелян в 1931-году) охранять дворцы в Царском Селе, Петергофе и Гатчине. Зубов взял на себя гатчинский дворец, чем как бы исполнил грех царевича Императора Павла I, в котором участвовал его прадед граф Николай Александрович Зубов, брат организаторов злодеяния графов Платона и Валериана. Там его застала октябрьская смута.

Зубов описывает два приезда Керенского: при бегстве из столицы и пребывания с генералом П. Н. Красновым и вторичное бегство. Автор разоблачает ложь воспоминаний Керенского, называя его «шутком гороховым».

Особенно интересен рассказ о том, как его самого арестовал местный совдеп и отправил в Смольный после разрыва Троцким переговоров в Бресте и перехода немцев в наступление. С Зубовым в автомобиле был отправлен проживавший в Гатчине после отречения Великий Князь Михаил Александрович, которого сопровождал верный его секретарь англичанин Джонсон, с ним погибший в Перми. Там их принял председатель Петроградской ЧК Урицкий, «приземистое существо отталкивающего вида с вдавленной в плечи головой и крючковатым носом». При допросе присутствовал секретарь ВЧК С. Ф. Каплун, тоже еврей, «очень жирный и большой с черными волосами».

Урицкий начал с допроса Великого Князя: «перед ним сидел человек, которому привычка власти передана поколениями. Над ним издевался этот сын гетто, а он оставался спокойным и достойным без малейшего нетерпения в голосе, без подчеркнутого снисхождения. Его спрашивали о листовках от его имени распространяемых. Великий Князь отвечал, что он не может отвечать за то, что могут делать, злоупотребляя его именем. Он отрелся до Учредительного

Собрания, его решение не царствовать непреклонно и, раз «учредилки» нет (отмечу, что она за полтора месяца до этого допроса была разогнана этим же самым Урицким) он готов подписать любой новый документ об отречении.

Затем допросили Джонсона и Зубова и Урицкий предложил каждому подписать протокол его допроса. Великий Князь подписался с титулом. «Вы все еще считаете себя великим князем?» — спросил Урицкий. — «Великими князьями рождаются и этого отнять нельзя, как и у графа Зубова нельзя отнять его титул», спокойно ответил Великий Князь. Их отправили ночевать. Великий Князь скоро заснул, а остальные решили по очереди его охранять, чтоб его самолично не убили приставленные к ним два красногвардейца. «Великий Князь спал на спине. У меня сжалось сердце: он проснется, но встанет уже над ним тени смерти...»

На другой день их посетила Наталья Сергеевна Брасова (морганатическая супруга Великого Князя), два брата князя Путятинны с женами и княгиня Шаховская. В это время пришел Урицкий проверить, о чем они говорят и стал хвастаться, как сумел в свое время удрать из тюрьмы. «Когда это было?» — спросил Великий Князь. «В благополучное царствование Вашего брата, который сейчас находится в Тобольске». Еще несколько дней провели они в этом совместном заключении. Н. С. Брасова и другие лица «осаждали Урицкого и других шпшек, проникли даже к Ленину. Луначарский замолвил несколько добрых слов, но так тихо, чтоб они не были услышаны. Все старания разбивались о твердость Урицкого». Вскоре было решено отправить Великого Князя с Джонсоном в Пермь под надзор местной ЧК.

Зубова вызвали к Урицкому, который сообщил ему, что освобождают его по хлопотам Луначарского, но высылают в Москву, ибо в Гатчину он не может возвратиться, так как восстановил против себя местный совдеп. Впрочем, его обвиняли лишь в том, что он подписывал официальные бумаги «гр. Зубов», на что тот смеясь ответил, что это означает «гражданин Зубов», если так хотят прочитать.

При прощании Урицкий говорил Зубову, что не уверен в том, правильно ли поступило советское правительство, что не расстреляло Царя, когда пришло к власти, но оно это непременно сделает, когда найдет своевременным.

Из этих слов близкого к Ленину члена первого политбюро, избранного еще перед октябрьской смутой, можно заключить, что расстрел всех членов династии был предрешен большевиками еще до захвата власти и, как мы знаем, ни один из самых отдаленных родственников отреченного Императора, как все три на-

† 3-го февраля с. г. на 103-ем году жизни в Свято-Троицком монастыре в Джорданвилле скончался
**МИТРОФОРНЫЙ ПРОТОИЕРЕИ
отец ДАНИИЛ ДУМСКИЙ**
«И по своему внешнему облику и по своей внутренней духовной настроенности, покойный был — настоящий православный русский ба т ю ш к а, каких не мало было в прежнее время у нас на Святой Руси, на которых все меньше и меньше остается в наше лукавое время Отступления» (архиепископ Аверкий). «Он являл собой... стопроцентное воплощение православной русскости» (архимандрит Константин).
Мир праху его!

† Мельбурнский Отдел Российского Народно-Монархического Движения выражает свое искреннее соболезнование В. М. Диаковскому с семьей по случаю преждевременной кончины супруги и матери
НАТАЛИИ БОРИСОВНЫ ДИАКОВСКОЙ,
последовавшей 31-го января 1971 года в г. Мельбурне (Австралия).

ходившиеся в Алапаевске Константинович, не был пощажен.

Одним из немногих спасшихся был Великий Князь Кирилл Владимирович, который еще при Временном Правительстве выехал в Финляндию с ожидавшей приближение родов Великой Княгиней Викторией Федоровной.

Воспоминания графа В. П. Зубова дальше повествуют о его возвращении в Петроград, где он возглавил свой Институт Искусств. Зубов один из первых пошел на служение советскому режиму, стремясь этим сохранить произведения искусства и воспитать кадр преданных музейных работников.

Я знал многих последовавших по этому пути: среди юристов — проф. гражданского права М. Я. Пергамент, среди историков — Б. Д. Греков. Кроме того,

физик академик Иоффе и начальник военно-медицинской академии В. Н. Тонков. Все они угодили перед комиссарами, но вместе с тем выхлопывали пайки, создавали дутые научные учреждения, где кормились сотни антисоветски настроенных интеллигентов-монархистов и видных сановников дореволюционной России. Однако постепенно большевики с ними расправлялись: граф Валентин Платонович Зубов был арестован в Москве 2-го августа 1922 года и через 10 дней отправлен в Петроград, где просидел до декабря. Потом он был освобожден и снова пользовался доверием власти, разрешившей ему поездку за границу. В январе 1925 года он оставил пост директора Института и 16-го июля уехал в Германию, где стал невозвращенцем.

Алексей Ростов

РУССКИЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИН "ESLAVIA" В. ЛАШКЕВИЧА
AVENIDA SANTA 4977 — Т. Е. 771-5964 — CAPITAL FEDERAL

ПУШКИН А. С. — Евгений Онегин. С иллюстрациями	\$ 2.50
ПУШКИН А. С. — Евгений Онегин. Издание для подарка	\$ 4.80
ПУШКИН А. С. — Повести Белкина. Издание для подарка	\$ 1.60
ПУШКИН А. С. — Полтава (иллюстр.)	\$ 0.80
ПУШКИН А. С. — Дубровский	\$ 0.80
ПУШКИН А. С. — Романы и повести (392 стр.)	\$ 4.50
ПУШКИН А. С. — Стихотворения. 206 стр.	\$ 1.80
ПУШКИН А. С. — Стихи и сказки (иллюстр.). 158 стр.	\$ 2.00
ПУШКИН А. С. — Сто стихотворений и десять писем	\$ 4.50
ПУШКИН А. С. — Борис Годунов (иллюстр.)	\$ 17.00
ПУШКИН А. С. — Собрание сочинений в восьми томах	\$ 38.00
РУССКИЕ СКАЗКИ. — В обработке писателей. 382 стр.	\$ 4.50
ТВАРДОВСКИЙ А. — Василий Теркин	\$ 4.50
ТВАРДОВСКИЙ А. — Дом у дороги	\$ 1.50
ТИХОМИРОВ Л. А. — Монархическая государственность	\$ 40.00
ТОЛСТОЙ А. — Петр Первый. Истор. роман	\$ 7.50
ТОЛСТОЙ А. — Хождение по мукам (Трилогия) в двух томах ...	\$ 9.50
ТОЛСТОЙ Л. Н. — Война и мир. В двух томах	\$ 13.50
ТОЛСТОЙ Л. Н. — Война и мир. В 2-х томах. Изд. для подарка	\$ 16.00
ТОЛСТОЙ Л. Н. — Детство, отрочество и юность. 350 стр.	\$ 3.00

Книги высылаются по заказу в провинцию и во все страны мира. Для заграничных: \$ 4.00 (аргентинских песо) равны одному американскому доллару. Цены даны в новых аргентинских песо.
Пересылку оплачивает покупатель.
ТРЕБУЙТЕ НОВЫЕ КАТАЛОГИ.
Корреспонденцию и денежные переводы посылать по адресу:
WLADIMIRO LASZKIEWICZ — Avda. SANTA FE 4977 — BS. AIRES

В воскресенье 14-го марта с. г. в 12 часов дня по окончании Божественной литургии в храме Св. Сергия Радонежского (Falucho 854, Villa Ballester) будет отслужен
ОБЩИЙ МОЛЕБЕН
перед началом учебного года.

РАКОВЫЙ КОРПУС

— Олег! — пытался он его остановить. — Олег! Легче всего критиковать еще только становящееся общество. Но надо помнить, что ему пока только сорок лет, и того нет.

— Так и мне не больше! — с быстротой откликнулся Костоглолов. — И всегда будет меньше! Что ж мне поэтому — всю жизнь молчать?

Останавливая его рукой, прося пощады для своего больного горла, философ вышептывал вразумительные фразы о разном вкладе в общественный продукт того, кто моет полы в клинике, и того, кто руководит здравоохранением.

И на это б еще Костоглолов что-нибудь бы рявкнул беспутное, но вдруг из своего дальнего дверного угла к ним полез Шулубин, о котором все и забыли. С неловкостью переставляя ноги, он брел к ним в своем располосенном неряшливом виде, в расхлябанном халате, как поднятый внезапно среди ночи. Все увидели — и удивились. А он встал перед философом, поднял палец и в тишине спросил:

- А вы — «Апрельские тезисы» знаете?
- Ну, кто ж их не знает! — улыбнулся философ.
- И можете по пунктам перечислить? — гортанно допрашивал Шулубин.
- Не обязательно перечислять, уважаемый. Апрельские тезисы ставили вопрос о путях перехода от буржуазно-демократической революции к социалистической. И в этом смысле...
- Так вот, там такой был пункт, — шевельнул Шулубин косматыми бровями над кругами больных утомленных табачно-красных глаз: — «плата всем чиновникам не выше средней платы хорошего рабочего». С этим начинали революцию.

— Seriously? — удивился доцент. — Не помню.
— Приедете домой — проверьте. Так что Обздрав не должен получать больше вот этой Нельки.

И перед лицом философа провел запретительно пальцем. И захромал к себе в угол.

— Ха-га! Ха-га! — зародовался Костоглолов неожиданной поддержке. Вот этого аргумента ему здорово не хватало, выручил старик! — Сlopали? Философ поправил свою пряжку на горле, не находясь.

— Ну какая же Нелька хорошая, слушайте.
— Ну тогда — санитарка в очках. А получают они все равно одинаково.

Русанов вообще сел и отвернулся: Костоглолова он больше видеть не мог, его трясло от омерзения (но из-за длинных его кулаков не решался он действовать административно), а отвратительного этого сыча из угла недаром Павел Николаевич сразу не полюбил, ничего умней сказать не мог — приравнять Обздрав и помойку! О чем тут и разговаривать?

Все сразу рассыпались — и не видел Костоглолов, с кем дальше ему спорить. Да он уже и выкрикнул, что хотел. Да и криком очень намял он себе внутри, больно стало разговаривать.

Тут Вадим, так и не вставший с кровати, поманил его к себе, посадил и стал втолковывать без шума:

— У вас неправильная мерка, Олег. Вот в чем ваша ошибка: вы сравниваете с будущим идеалом, а вы сравните с теми язвами и гноем, которые представляла вся предшествующая история России до семнадцатого года.

— Я не жил, не знаю, — зевнул Костоглолов.

— И жить не надо, легко узнать. Почитайте Салтыкова-Щедрина, других пособий и не потребует. Или сравните с показными западными демократиями, где вы никогда не добьетесь ни прав своих, ни справедливости, ни просто человеческой жизни.

